

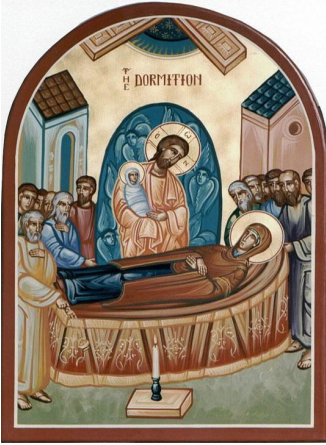

Московская Епархия. Богородское благочиние.
Храм Тихвинской Иконы Божией Матери г.Погинска

Тихвинский листок №37

28 Августа 2021 года

Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

Смерть — сколь страшно это слово! При звуке его часто сжимает сердце непреодолимый ужас. Проклятие человеческого рода, неизбежный и жуткий рубеж для всякого человека. Что может сравниться с ней по силе переживания? Не меркнут ли при ее явлении все остальные вопросы, занимающие человека?

Каждый из нас рождается отмеченным печатью смерти. Некоторым даже родиться не дают, а убивают в утробе матери. Смерть — это неизбежное последствие того самоопределения, что сделал в раю первый человек. К сожалению, этот выбор оказался неверным и как проклятие действует с тех пор в каждом из нас. Бывает, люди наивно спрашивают: «Ну как же, ведь это не я сделал этот ошибочный шаг, а мои столь отдаленные предки,

что наказывать меня за это преступление не справедливо?». Все человечество — это единый, большой Адам, живущий до сих пор, и каждый из нас — как малая частица в нем. Выбор Адама — это наш выбор. Но Господь дал и каждому из нас личный выбор, который не так уж мал: вкусив смерти, мы можем преодолеть ее ужас. Потому, что смерти стало две: временная и вечная, которую наши предки называли «погибелью».

Мы стоим перед плащаницей, и все наши мысли устремлены к Царице Небесной, Ее исходу из сей жизни. Почему такое ГОРЕ СТАНОВИТСЯ ДЛЯ НАС ПРАЗДНИКОМ? Чтобы понять это, мы должны обратиться к телесной смерти Ее Сына. Апостол Павел в послании к Коринфянам пишет загадочные слова: «Христос воскрес из мертвых, ПЕРВЕНЕЦ ИЗ УМЕРШИХ» (1 Кор. 15, 20). Что это значит? Творец этого мира не захотел остаться для людей неприступным Небожителем. Он сошел с неба не каким-то видением, но решился войти в человеческую плоть, не переставая быть Богом, стал таким же, как мы, человеком. Как человек страдал и вкусил смерть, и ПОБЕДИЛ ЕЕ силой Своей Божественной природы. Среди всех людей Он явился Первенцем, то есть перворожденным. Перворожденным от кого? ОТ МЕРТВЫХ! — вот что хочет сказать апостол. Разорвана Христом вечная власть ада, побеждена смерть. Верой во Христа, Его силой, даже проходя чрез врата смерти, мы переходим в объятия жизни. Апостол Павел так и говорит: «Желаю разлучиться и со Христом быти». То есть, он радуется, желает смерти, как освобождения.

Совсем недавно мы вглядывались в дивную славу, явленную в Преображении Господа. И вот перед нами Божия Мать — тоже ЛИЧНОСТЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ! Нет, Она не была там, на горе, и, возможно, не видела дивную славу Своего Сына при жизни. Но именно Ей удалось воспринять во временном всю полноту Вечного, насколько это возможно человеку. Конечно, тут присутствует тайна избрания. Чрез многие поколения праведных людей Господь выращивал этот дивный плод благочестия. Но то, что дано было от предков и воспитания, было этой боголюбивой душой умножено во сто крат. Святые Отцы говорят, что действие благодати на душу можно назвать новым творением. Иными словами, от корня Адама берется дичок и «прививается» с неба благодатью. Душа, и даже тело человека, насыщаясь Божественными энергиями, выходят из границ тварного естества в непостижимое Со-Бытие с Богом, Творцом мира.

Смертный переход Божией Матери мы называем Успением. И в этом красивом славянском слове соединились и спелость жизни, и завершение ее, и некое безскорбное преселение. Но задумаемся: как отличается этот сон, перешедший в пробуждение инобытия, от мучительной кончины на кресте Ее Сына. Погружение в сон и страшные страдания! По-разному умирали и святые. Многих из них поджаривали в медных быках или сжигали на кострах, волочили привязанными к коням или раздирали между согнутыми деревьями, иных морили голодом или морозили в карцерах. Другие, подобно Марии, засыпали на глазах учеников вечным сном, а иногда в полнейшем одиночестве в горах, пустынях и пропастях земных. Различен переход, но суть одна: они все — ПРИНЯВШИЕ ХРИСТА В СЕРДЦЕ. Уже НОВАЯ ТВАРЬ, преображенная скрываемым внутри Царством. Часто нищие и неприметные среди людей, но цари и владыки в открывшейся им вечности. Они становились этими царями благодати еще при жизни, когда многие из них были облачены в рубище или власяницы.

За порогом смерти, за этой таинственной дверью святым не откроется что-то незнакомое. Нет! Та реальность будет им гораздо ближе, чем здешнее пребывание, скованное узами тления и бренности. Живя во плоти, Пречистая Мать Богочеловека уже вкушала благодать Иного бытия... Мы не можем представить блаженство этой совершенной души ни в момент исхода, ни в последние годы Ее земного

странствия. А если бы и смогли это почувствовать хоть на мгновение, какими бы словами мы это описали? И все же земное существование прискорбно, обременено болезнями и немощами, со всех сторон окружающей человека дисгармонией между реальностью и его истинным предназначением. Душа, как птица в клетке, бьется о прутья неотвратимости, ведь это тщетное и суетное бытие утекает, как песок между пальцев.

Но душа Божией Матери после погребения не оставит своей плоти. Ученики Христа, пришедшие ко гробу своего Учителя, нашли лишь пелены, в которое было завернуто Его тело. Так и апостолу Фоме, захотевшему в последний раз увидеть Матерь Своего Бога и опоздавшему к погребению, отвалит камень от гробницы Марии и не найдут там Ее тела.

Мы созданы Творцом так, что наша душа при жизни нераздельна от тела. И хотя оно ничем не отличается от тела других животных тварей, наше тело не есть что-то внешнее, не просто крайне совершенное творение, — оно ОБРАЗ НАШЕГО ДУХА. Доходя до порога сей жизни, мы сбрасываем ее, как плащ, в могильный мрак, в разложение и пищу червям. Но нам известно, что плоть будет воскрешена, и даже сейчас останки некоторых людей «не видят истления». Раньше было так, что всякий вступающий в царские чертоги не мог войти туда в рубище нищего, но облакался в одежды, приличные царскому великолепию. Точно так же и тело того кто вступает в благо-бытие с Богом не может не преобразиться от исходящей на него славы. Не потому, что это так принято, как в царском дворце, но поскольку привлеченная исканием Бога и чистой жизни благодать, святящая душу, неизбежно освящает и тело. Так и тело Родившей Бога было освящено не только как ковчег, носивший Христа, но и пребыванием в этой брэнной плоти Ее пречистой и Богоносной души. Оно было восставлено Господом сразу после погребения потому, что в нем уже совершилась всецелая победа над тлением.

Матерь Божия — первая из спасенных. Первая не хронологически, а по сути. Если человек призван стать богом по Благодати, то Мария сумела настолько привлечь действие Божественной благодати в свою душу, как не удавалось ни одной другой душе человеческой. Это был и дар свыше. Но вся ее жизнь была посвящена привлечению силы Божией, хранению себя в чистоте от всего чуждого Богу и Его святине.

Величие Богоотроковицы особенно видно в смирении Ее души: «Яко сотвори Мне величие Сильный, и свято имя Его». Принесение себя как жертвы всецелой Любви. Жертвы всеожожения, поскольку ничего уже не оставалось не объятого этой Любовью. Вот в чем Ее высота и красота. Все, что имеет Она, исходит от Бога, от Его дара, и возвращается к Нему В ПОЛНОТЕ БЛАГОДАРЕНИЯ. Мы знаем, как это непросто — не уклоняться даже мыслью от всецелого предстояние Богу. Возможно, кто-то скажет, это невозможно для нас, а Ей, предызбранной от рождения, было легко. Пребывая рядом со Христом, Она могла непрестанно питаться, вдохновляться Его силой, Его сокровенным, но открытым Ей Божеством.

В наших храмах не так много образов Иосифа Обручника, хранителя девства Богоматери. Но это не значит, что он не был предызбран на ту сугубую роль воспитателя Христа, что он не находится среди святых и в чем-то согрешил пред Богом. Вовсе нет. Пребывание со Христом не всем приносит те плоды, которые сумела стяжать душа Богоотроковицы Марии.

Святость Божией Матери находится под постоянным прицелом гордого рационализма. Трудно смириться с Ее исключительной славой. Да и прочувствовать эту славу можно лишь как дар Самой Царицы Небесной. В свое время иконоборцы, предки современных протестантов, стремились полностью уничтожить то благоговейное поклонение, которое окружало Божию Матерь еще со времен апостолов. Один император, Константин Копроним, так продемонстрировал свое анти-богословие. Он взял кошель, набитый золотом, и спросил своих приближенных, много ли он стоит. Они ответили, что да, весьма много. Потом он высыпал золото на землю и опять, указывая на пустой кошель, спросил: «А теперь?» Все окружающие, разведя руками, ответили, что теперь он не стоит ничего. «Так и Родившая Иисуса, — продолжал император, — пока носила Его во чреве, была значима, а как только родила, то потеряла Свое прежнее достоинство». Безумец! Согласно его рассуждению, после очередной победы, которыми столь славен был сей император, его мог никто и не встретить у врат столицы. А на его недоумение можно было бы сказать: «Разве ты победил не силой Божией? К чему устраивать в твою честь триумфальное шествие, если тебе ничего не оставалось, как сражаться и победить. Ты был достоин прославления в момент победы, а сейчас ты лишь император мирного времени». О, искатели человеческой славы, почему вы не желаете воздать честь Поправшей самого диавола? Вы не в силах справиться сами с собой, и оттого вам не дано увидеть эту превосходящую небеса славу?

Конечно, даже слушать сейчас это весьма неприятно, но мы решились привести сей образ безумного мудрования, чтобы показать, сколь ненавидит диавол Ту, что сияет среди мысленного неба своей непорочной святиней. Божественная слава не приходит даром, не посещает по ошибке, как это зачастую случается с ее сестрой — слепой славой человеческой. Не сподобляется этого человек и только за свое внешнее служение, а лишь за сокровенную чистоту сердца.

Стоя у святой плащаницы Богородицы, — этого печального образа Ее смертного ложа, мы чувствуем, что здесь сплетаются смерть и жизнь, печаль и радость. Словно две ветви, два чудных стебля, оттеняющих значимость другу друга. Но первое, столь страшное для нас, лишь раскрывает и обрамляет, как скорбная рама, то, что превышает всякой скорби, — благоухающий цветок вечной жизни.

Сегодня нам дано сердцем прикоснуться тайне Богоматери — совершенной любви ко Господу и совершенной любви к людям. Она собирала это сокровище по крохам среди будней сей жизни, но по настоящему раскрыться ему было дано лишь после Ее Успения. Аминь.

Игумен Филипп (Перцев)

Использованы материалы: Оптина.ру

Ответственный редактор: священник Сергей Макаров
Верстка: Ирина Тимошина